

Леонид Владимирович Выскочков

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Leonid Vladimirovich Vyskochkov

(Institute of Saint-Petersburg State University)

<https://orcid.org/0000-0002-7184-0969>

Алла Александровна Шелаева

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Alla Aleksandrovna Shelayeva

(Institute of Saint-Petersburg State University)

Холерная пандемия 1830–1831 гг. в Российской империи по воспоминаниям и письмам, газетным заметкам, текстам административных указов и другим личным и официальным источникам

Ключевые слова: Российская империя, император Николай I, Н.С. Лесков, солнечная активность, пандемия, холера, холерные бунты, Санкт-Петербург, Севастополь, Тамбов, Старая Русса

Keywords: The Russian Empire, Emperor Nicholas I, N.S. Leskov, sola activity, pandemic, cholera, Cholera Riots, Saint-Petersburg, Sevastopol, Tambov, Staraya Russa

Среди четырех горельефов на памятнике Николаю I на Исаакиевской площади Санкт-Петербурга (скульптор П.К. Клодт, архитектор Огюст Монферран, авторы горельефов Р.К. Залеман и Н.А. Рамазанов), открытом в день рождения покойного императора 25 июня 1859 г., под датой „1831” изображен известный эпизод из истории холерного бунта на Сенной площади. По первоначальному замыслу авторов памятника, Николай I должен был предстать как „укротитель революций” (Н.К. Шильдер), что было иллюстрировано подавлением четырех „бунтов” – выступления декабристов в 1825 г., холерных бунтов в России, Польского и Венгерского восстаний. Но замысел претерпел изменения, и вместо двух последних сюжетов появились сцены созидательной деятельности

императора – создание Свода законов (1832) и открытие Санкт-Петербургско-Московской железной дороги (1851), хотя скульптором Н.А. Рамазановым уже были сделаны некоторые заготовки по первоначальному заданию¹.

Сохранение в проекте памятника сюжета о холерном бунте 1831 г. на Сенной площади доказывает, что это событие осмысливалось как одно из важнейших в период николаевского царствования. Неслучайно холерные события 1831 г. находят отражение в романе известного русского писателя Н.С. Лескова *Чертовы куклы* (1889), где затрагивают судьбы его главных героев, герцога (Николай I) и художника Фебуфиса (Карл Брюллов), которые так или иначе оказываются в центре событий, а художник волею автора даже становится жертвой эпидемии. Страницы романа, посвященные этой теме, содержат намеки на факты реальной истории², возможно, пародируют официальные документы, распространенные в России во время холерной эпидемии 1830–1831 года, в частности „Наставление к распознаванию признаков холеры, предохранению от оной и к первоначальному ее лечению”.

Лесков, знаток истории России и ее повседневной жизни, использовал в качестве источника романа не только официальный исторический труд Н.К. Шильдера *Император Николай I, его жизнь и царствование*, но и легендарные исторические версии, которые позволяли оценить особенности государственной политики в отношении эпидемии и личный вклад императора в борьбу с ней. Фрагмент романа, который мы приводим ниже, с большой долей достоверности изображает события холерной эпидемии в герцогской столице (Санкт-Петербурге). Среди прочего в нем упоминается о смерти от холеры высокопоставленного лица, что, как пишет Лесков, близко касалось „родственных чувств самого герцога”. Здесь, видимо, следует видеть намек на смерть брата Николая I, великого князя Константина Павловича, который 7 (19) июня 1831 г. заболел холерой и умер спустя две недели. С неподражаемой иронией Лесков описывает великосветскую жизнь во время эпидемии и официальные меры борьбы с ней. Герой Лескова в пространстве романа был первым, кто открыл путь холере в высокопоставленное общество. Во время маскарада Фебуфис в приступе ревности выпил слишком много холодного шампанского, что считалось опасным при холере, и с маскарада был отправлен в „особый покой” в госпиталь. Лесков воспроизводит клиническую картину холеры: спутанность и потеря сознания, клейкий пот, судороги, а также методы ее лечения. Холерная тема, поднятая в романе, дает обширный материал

¹ Леонид Владимирович Выскочков, „Третий конный монумент Петербурга (Памятник императору Николаю I на Исаакиевской площади)”, *Вестник СПбГУ. Сер. 2*, 4 (24) (1997): 24–39.

² Алла Александровна Шелаева, „Комментарии” w Николай Семенович Лесков, *Чертовы куклы* (СПб.: Наука, 2015), 331.

для характеристики столичной жизни в период эпидемии и государственных мер борьбы с ней; таким образом Лесков в художественной форме спустя полвека анализирует опыт холерной эпидемии и показывает, что она отразилась в исторической памяти России как период трагических испытаний, потрясших все слои российского общества и ставших толчком для развития отечественной медицины:

[...] кончалась зима, и пришла новость, заставившая всех встрепенуться и очень многих смертельно испугаться и пасть духом... с таянием снегов в Европе появилась холера.

В столице герцога грозная гостья сразу вырвала две столь крупные жертвы, что весть об утрате их разнеслась по стране и вызвала сильную робость. Одна из этих жертв близко касалась родственных чувств самого герцога, но он подавил горе и стал на высоте своего правительственного призвания: он не обнаружил ни малейшего страха и ни в чем не изменял обычного порядка своей жизни и занятий. Всем, кто его видел, он казался веселым, деятельным и спокойным. Это производило прекрасное ободряющее впечатление на всех. К предложению многих, и притом очень разнообразных мер борьбы с наступившей эпидемией герцог относился строго критически и часто шутил над ними говоря:

– Лучшая мера безопасности для всех, кто живет здесь, заключается в том, чтобы смотреть на меня [...] Вы должны смотреть на меня и поступать так, как я поступаю. Я ни в чем себе не изменяю, ни в труде, ни в удовольствиях. Жалею только, что труда у меня много, а для удовольствий мало остается времени. Но тем более я рад быть весел, когда это можно, и советую то же другим. Кто холеры не боится, того холера боится.

Эти слова моментально разнеслись по столице герцога и заменили в ней многие санитарные меры, в числе которых в самом деле предлагалось немало вздорных и смешных.

Льстецы сравнивали их в известном смысле с „медным змеем в пустыне“: как не умирали те, кто смотрел на Ааронова змея, так не теряли бодрости и присутствия духа все, кто неизменно памятовал слова герцога и держался его правил. Герцог беспрестанно появлялся в общественных местах, среди народа, смотрел весело и бодро говорил встречным:

– Кураж!.. смело кураж! Встречные разносили это по городу. Везде, где только можно было, слышалось это слово: кураж!

Не раздавалось оно только в отдаленных окраинах и городских закоулках, где жила чернь, которая или не знала о кураже, или оказывалась неспособною удержать в себе необходимую бодрость, и сама была виновата в том, что делалась жертвою своей унылости. Но и ей давали бесплатно гробы и погребальные дроги, и все похороны справляли рано, чтобы они не производили уныния на живущих. Знать же сореживала герцогу. Выезжать из столицы было запрещено, но позволено всем веселиться. Удовольствия шли усиленные в смешанном

числе – летние и зимние, как будто одни спешили вытеснить другие, а те в свою очередь не уступали места первым³.

В XIX – начале XX в. планета Земля испытала целый ряд холерных пандемий, самых смертоносных для того времени. Во время первой пандемии в начале XIX века болезнью были поражены Азия и Африка; начиная со второй – все континенты. В течение века холера пять раз вторгалась в Западную Европу (1830, 1846, 1865, 1884 и 1892).

Первая пандемия 1816–1823/1824 гг. практически не затронула Россию. Она охватила Индостан, где в долине Ганга была известна с древних времен, Индокитай, Индонезию, Филиппины, Персию, Ирак, Сирию, Аравию и только в последний год мировой пандемии в сентябре 1823 г. достигла северного побережья Каспия, где была зафиксирована в Астрахани, тесно связанной торговлей со странами Востока, и в соседнем Красном Яру. Всего в Астраханской губернии в 1823 г. заболели 392 человека, из которых умерли 205⁴.

Все последующие пандемии приходили в Россию из Азии, отчего холера (от др.-гр. *желчь*) называлась „холерой азиатской”, „индийской заразой”, а также „собачьей смертью”. Болезнь считалась „грязной” и „неблагородной”, отсюда нежелание контактов с заболевшими и предоставления им домов и квартир. В народе по старой памяти называли ее также „чумой” – по аналогии с известной ранее заразной болезнью, вспышки которой бывали в это время в южных губерниях, в частности, в 1824–1825, 1829 и 1835 гг. Называли ее также „корчева” за характерные судороги мышц. Для холеры была характерна высокая смертность. Умирили около 50% заболевших, среди детей до 5 лет смертность достигала 65%, возрастные группы после 70 лет давали 70–75% смертности. Слово „холера” существовало в предшествующем столетии как обозначение сильной степени поноса, теперь же оно стало обозначать особую болезнь *холера морбус* (*cholera morbus*).

Вторая пандемия 1826–1837 гг. (вариант: 1829–1851 гг.) поразила все континенты, включая Азию, Африку, Европу, Америку, Австралию. Ее частью была первая пандемия в России, которая, придя из Азии, с 1829 г. (завершение очередной русско-турецкой войны) со всей силой обрушилась на Российскую империю, достигнув своей кульминации в 1830–1831 гг., и новой волной вернулась в Россию в 1837 г. Иногда ее хронологические рамки продлевают до 1851 г. Историки медицины считают, что первая масштабная эпидемия

³ Николай Семенович Лесков, *Чертовы куклы*, ред. Алла Александровна Шелаева (СПб.: Наука, 2015), 141.

⁴ Подробнее о всех пандемиях в России см.: Константин Георгиевич Васильев, Александр Евсеевич Сегал, *История эпидемий в России. Материалы и очерки* (Москва: Гос. изд-во медицинской лит., 1960).

холеры в Европейской России длилась до 1837 года и унесла 243 117 жизней. Следующие пандемии также охватывали весь мир.

Третья пандемия 1846–1859 гг. (вариант: 1852–1860 гг.) вторглась в Россию в Закавказье в октябре 1846 г., в 1847 г. появилась в Кизляре, распространилась по всему Северному Кавказу и затем дошла до Санкт-Петербургской губернии. Своего максимума в России и Европе она достигла в 1848–1849 гг. В период 1847–1859 гг. в России умерли 1 032 864 человека. Но особенно смертоносной эпидемия стала в Санкт-Петербурге в 1848 г., когда заболели 32 326 чел., а умерли 16509⁵. В отдельные дни отмечалось 1000–1200 заболевших, а также 600–670 смертельных случаев. В ходе этой эпидемиологической волны холера вновь проявилась в России в 1852 г., а в январе 1853 г. была занесена в Москву крестьянином, приехавшим – примета времени – по железной дороге. Крымская война ухудшила эпидемиологическую обстановку, и в 1854 г. холера поразила 32 губернии. До 1860-х гг. постоянно действующим очагом холеры оставался Санкт-Петербург.

Четвертая пандемия (1863–1875) проявилась в России в 1865 г., а в Санкт-Петербурге достигла максимума в 1866 г. (с июля по сентябрь), а также в 1870 г.

Пятая пандемия холеры 1883–1896 гг. обрушилась на Россию в 1892 г.

Шестая пандемия холеры с перерывами терзала мир в 1899–1923, в России появилась в 1908–1910⁶ и в 1918 гг. В 1910 г. она охватила в разной степени 72 губернии и унесла 109 560 жизней. По весьма приблизительным заниженным подсчетам, только в XIX веке в России зафиксировано 4 837 236 случаев заболеваний холерой, скончались 1 984 049 человек⁷.

Иногда выделяют седьмую пандемию в 1961–1975 гг., особенно активно проявившуюся в 1961 и 1970–1971 гг. (последней посвящен художественный фильм режиссера В. Тодоровского „Одесса”, с почти документальной точностью описавший события). Отдельные вспышки холеры в развивающихся странах, особенно в Африке, происходят и ныне. Цикличность пандемий холеры, как и других инфекционных заболеваний, проследил в своих исследованиях и связал с воздействием на биосферу солнечной активности биофизик, основоположник гелиобиологии и аэроионификации Александр Леонидович Чижевский (1897–1964), опубликовавший в Калуге труд *Физические факторы исторического процесса* (1924)⁸.

⁵ Подробнее см.: Александр Сергеевич Нифонтов, *Россия в 1848 году* (Москва: Учпедгиз, 1949).

⁶ Даниил Кириллович Заболотный, Семен Иванович Златогоров, Семен Иванович Кулеш, Виктор Ильич Яковлев, *Холерная эпидемия 1908–1909 гг. в Петербурге* (СПб.: Тип. Я. Грей, 1910).

⁷ Константин Георгиевич Васильев, Александр Евсеевич Сегал, *История эпидемий в России. Материалы и очерки*, Табл. 8.

⁸ Александр Леонидович Чижевский, *Физические факторы исторического процесса. Влияние космических факторов на поведение организованных человеческих масс и на течение*

Самое заметное проявление цикла солнечной активности – колебания числа „пятен” на солнечном диске, образование зон с мощными магнитными полями и последующими выбросами плазмы в солнечной короне. Эти явления наблюдались с XVI века, но только швейцарский астроном Рудольф Вольф в 1843 г. установил, что средняя продолжительность циклов составляет около 11,5 лет (с колебаниями от 7 до 17 лет) и отследил историю солнечной активности до цикла 1749 г., который астрономы считают начальным циклом под условным номером *один*. А.Л. Чижевский обратил внимание на то, что с циклами солнечной активности связаны катастрофические изменения, происходящие на планете Земля, включая всю биосферу, в том числе повышенную активность „народных масс”. К природным катастрофам относятся землетрясения, извержение вулканов, наводнения, засуха, тропические циклоны, цунами, смерчи, пылевые бури, сильные морозы или жара, пожары, нашествия саранчи и, конечно, эпидемии. Каждый солнечный цикл (и соответствующий ему исторический цикл) исследователь разделил на четыре периода: минимальной возбудимости (три года), нарастания (2 года), максимальной активности (три года), падения (три года). Он отметил, что основные природные катастрофы, включая пандемии, как и наиболее значимые народные движения (революции), коррелируются с периодом нарастания солнечной активности и достигают пика в период максимума. Развитию своей теории Чижевский посвятил книгу *Эпидемические катастрофы и периодическая деятельность Солнца* (1930)⁹. Ученый не избежал репрессий и с 1942 по 1958 г. находился в лагерях. Выводы о воздействии Солнца на биосферу Земли получили признание только после смерти исследователя, благодаря переизданию его работ, в частности в 1973¹⁰ и 1995 гг.¹¹ В Калуге ему установлен памятник.

В одном из стихотворений Чижевский так изложил свою теорию:

И вновь, и вновь взошли на Солнце пятна,

И омрачились трезвые умы,

И пал престол, и были неотвратны

Голодный мор и ужасы чумы.

И вал морской вскипел от колебаний,

И норд сверкал и двигались смерчи,

И родились на ниве состязаний

Фанатики, герои, палачи.

всемирно-исторического процесса, начиная с V века до Р. Хр. и по сие время. Краткое изложение исследований и теории ([Калуга: 1-я Гостиполит, 1924]. Репринт: Калуга: Ассоциация «Калуга-Марс», Музей истории космонавтики им. К.Э. Циолковского, 1992).

⁹ Александр Леонидович Чижевский, *Эпидемические катастрофы и периодическая деятельность Солнца* (Москва: Всесоюз. об-во врачей-гомеопатов, 1930).

¹⁰ Александр Леонидович Чижевский, *Земное эхо солнечных бурь*, предисл. О.Г. Газенко (Москва: Мысль, 1973; 2-е изд. 1976).

¹¹ Александр Леонидович Чижевский, *Космический пульс жизни*, сост., вступ. ст., ком. Л.В. Голованова (Москва: Мысль, 1995).

Именно такие максимумы солнечной активности наблюдались в 1787, 1804, 1816, 1829/1830, 1837, 1848, 1860, 1870, 1883, 1894, 1905, 1917, 1928, 1937, 1947, 1957, 1968/1969, 1979, 1990, 2000, 2014 гг. Как правило, в эти или ближайšie к ним годы происходили социальные катаклизмы (восстания, революции, войны), экологические катастрофы, пандемии. Современные исследователи обнаруживают также связь экономических циклов с солнечной активностью, но обратную связь. В год, следующий за максимумом, идет кризисное падение мирового ВВП. Нынешняя пандемия коронавируса и природные катастрофы укладываются в общую циклическую динамику. Эксперты по космической погоде из NASA и американского метеорологического агентства NOAA объявили о начале нового 11-летнего цикла солнечной активности в декабре 2019 года. Солнце „проснулось”. Это 25-й цикл солнечной активности с 1749 года. Первоначально максимум солнечной активности предполагался в 2024 году, последние прогнозы называют первую половину 2025 года, причем солнечная активность ожидается меньшая, чем в 2014 году. По мнению экономиста В.А. Белкина, высказанному в статье, опубликованной в 2015 г., „2024 и 2025 гг. являются годами наиболее вероятного следующего снижения мировой экономической конъюнктуры, а также обострения и роста частоты военных конфликтов, террористических актов, социальных и политических кризисов”¹². Будет возможность проверить, но вернемся к холерным пандемиям.

Как было отмечено, в первый раз страшное „морозное поветрие” под названием „холера морбус” со всей силой обрушилось на Российскую империю в 1829–1831 г. В те годы по Европе прокатилась вторая с конца XVIII в. волна революций, а имперская система в России была испытана на прочность Польским восстанием 1830–1831 гг. и чередой холерных бунтов.

Начавшись в Индии в 1826 г., пандемия не сразу достигла России. В 1827 г. из Афганистана по караванным дорогам болезнь дошла до Бухары и Хивы, в 1828 г. проникла в Казахскую степь, а в августе появилась в Оренбурге с караванами бухарских купцов. О неизвестной „повальной болезни” в Бухаре слухи в Оренбурге распространялись и ранее. Еще на подходе каравана 9 июля [даты в статье даются по старому стилю – Л.В., А.Ш.] чиновники пограничной комиссии встретили его в степи и выяснили, что по дороге от неизвестной болезни умерли 20 человек, но в данный момент больных не было. Чиновники „окурили” караван (жгли навоз) и пропустили его в Оренбург. Упоминание об „окурировании” отражает представления того времени и опыт борьбы с чумой. Через 35 дней в Оренбурге началась эпидемия, о которой официально Совет врачей

¹² Владимир Алексеевич Белкин, „Циклы мировой конъюнктуры и солнечная активность: механизм и факты сильных связей”, *Вестник Челябинского гос. ун-та* 12 (367) (2015): 26.

при губернаторе объявил 21 сентября¹³. В первые месяцы 1829 г. заболели 747 человек, из которых скончались 130. К февралю 1830 г. в Оренбургской губернии заболели 3590 человек, скончались 865.

В 1830 г. в Оренбургской губернии оперативно были изданы документы о холере¹⁴, а в Казани по итогам первых наблюдений лекарем К.В. Пупыревым был опубликован медицинский трактат¹⁵. Он отметил три клинических периода болезни. В первом периоде наблюдалось затрудненное дыхание, стеснение в груди, головокружение, потеря аппетита, озноб, бессонница. Во время второй стадии – сильная рвота, жидкий стул, обезвоживание, головная боль и жар. Затем тело холодело, ногти и губы синели, пульс исчезал, начинались судороги и корчи, такие, что невозможно было удержать больного в одном положении. При неблагоприятном развитии болезнь заканчивалась летальным исходом. Третий период наступал в том случае, если больной преодолевал болезнь при помощи медицины или самостоятельно. Небольшой по объему трактат (26 страниц) был издан большим тиражом (2000 экземпляров), что делало его доступным для лечащих врачей¹⁶. Среди рекомендаций высказывалось, в частности, мнение об опасности заражения от микробов в свежих фруктах. В сатирическом произведении Александра Орлова *Встреча чумы с холерою*, изданном в 1830 г., старое чудище в виде чумы спрашивает новое чудище холеры, что несет она людям, и та отвечает: „Свойство мое есть судороги, корча, рвота, понос, а как есть люди, которые от природы расположены к сему, следственно я на тех и падаю” и „похищаю тех, которые уже испорчены”¹⁷. Ясных представлений об эпидемиологии болезни в то время не было, так как ошибочно считалось, что заражение происходит воздушно-капельным путем. Отсутствовал надежный способ диагностики вибрионосителя, что мешало обеззараживанию источника инфекции. Карантинные мероприятия оказывались безрезультатными. О том, что распространителем холеры является грязная вода, тогда не знали. Потребовались десятилетия работы многих исследователей для того, чтобы загадка холеры была разгадана.

¹³ Ирина Эдуардовна Ляшенко, Валентина Ивановна Желтова, Михаил Васильевич Скачков, „Из истории борьбы с холерой в Оренбургском крае (К 175-летию первой эпидемии холеры в Оренбурге)”, *Эпидемиология и вакцинопрофилактика* 1 (2005): 59–60.

¹⁴ *Собрание актов и наблюдений, относящихся к холере, бывшей в конце 1829 и в начале 1830 годов в Оренбургской губернии* (СПб: Тип. Медицинского департамента МВД, 1830).

¹⁵ *Описание хода повальной болезни, называемой холерою, открывшейся 1829 года с наступлением осени в городе Оренбурге и Оренбургском Уезде, с изложением способа лечения, составленного лекарем первого отделения Пупыревым Константином Васильевичем* (Казань: Б.и., б.г.).

¹⁶ Ирина Эдуардовна Ляшенко, „Историографическое значение монографии Константина Васильевича Пупырева о первой эпидемии холеры в Оренбургском крае (1829–1833)”, *Вестник Оренбургского гос. Ун-та* 4 (204) (2017): 62–64.

¹⁷ Александр Анфимович Орлов, *Встреча чумы с холерою, или внезапное уничтожение замыслов человеческих. Московская повесть* (Москва: В Унив. тип., 1830), 6, 7.

Холера – это острая кишечная инфекция, возникающая при попадании в организм пищи или воды, зараженной бактерией *Vibrio cholerae*. Источником возбудителей холеры является или больной человек, или „вибрионоситель”, загрязняющий испражнениями воду, пищу и другие объекты внешней среды. Загрязнение воды происходит при сбрасывании в них неочищенных хозяйственно-бытовых сточных вод, причем риск заражения усиливается в жаркое время года.

Наиболее эффективными средствами предотвращения распространения заразы в николаевское царствование считались, как и при чуме, кордонные оцепления, изоляция как отдельных домов, где выявлялись больные, так и селений и городов. Широко практиковалось очищение воздуха и окуривание. Современник следующим образом описывал происходящее в Великом княжестве Финляндском, где генерал-губернатором по совместительству был министр внутренних дел А.А. Закревский: „Двор закутан был в тучи от тлеющих куч можжевельника и смоляных бочонков, в комнатах пахло горькой хлористой известью, ежечасно поили мятным чаем попеременно со смоляной водой, ткались толстые набрюшники и запрещено было детям есть плоды и пить кислое молоко, сидеть на траве и поздно находиться на дворе”¹⁸. Распространенными методами лечения были кровопускание и горячие ванны. Рекомендовалось не есть фрукты.

Распространение холеры, массовых народных движений в России и революций в Европе совпало с очередным максимумом солнечной активности (1829). В череде холерных бунтов, охвативших Россию, первым был „чумной” (на самом деле – холерный) бунт в военном порту Севастополя 3 (15) – 7 (19) июня 1830 г. Он был спровоцирован глупейшими карантинными мерами, которые вызвали выступление матросов флотских и рабочих экипажей, солдат и „прочих гражданских званий людей”, продолжавшееся пять дней. Активное участие в нем принимали матросские жены и жительницы слободок, в связи с чем в одной из первых публикаций в „Современнике” 1861 г. он был даже назван „женским бунтом”¹⁹. На самом деле женщины составляли только около трети „бунтовщиков”. Его называли „чумным бунтом”, так как первоначально карантинные меры еще в мае 1828 г. были предприняты в ходе русско-турецкой войны против чумы, действительно распространившейся на Юге России. В карантинные цепи на 30 верст вокруг Севастополя было включено около 5 тыс. солдат и татар из вспомогательных отрядов. Летом 1829 г. карантинные меры были усилены: все приезжающие, в том числе торговцы, должны были 2–3 недели находиться в карантине. Возникли

¹⁸ Михаил Михайлович Бородкин, *История Финляндии: Время императора Николая I* (Петроград: Государственная типография, 1915), 138.

¹⁹ Феоктист Авраамович Хартахай, „Женский бунт в Севастополе”, *Современник* 12 (1861): 363–394.

трудности со снабжением, началась спекуляция, резко выросли цены на продовольствие. Неслучайно писатель С.Н. Сергеев-Ценский назвал бунт не „чумным”, а „карманным”, так как карантинные меры стали способом обогащения чиновников²⁰.

Комиссия, присланная из Санкт-Петербурга для расследования злоупотреблений и хищений интендантов в ноябре 1829 г., получила приказ прекратить работу. Несмотря на то, что в городе до января 1830 г. не было ни одного подозрительного заболевания, соблюдались нелепые по своей строгости меры. Ухаживающие за „сумнительными” больными должны были иметь „руки, ноги, лицо и все тело вымазанные жиром, салом или маслом – деревянным [оливковым – Л.В., А.Ш.], конопляным или коровьим, равно как и платью на них находящееся. По недостатку сих вещей можно употребить деготь или смолу”²¹.

В январе на должность военного губернатора был назначен герой войны 1812 г. генерал-лейтенант Н.А. Столыпин, который всецело оказался в руках адъютантов и лиц, которым были выгодны карантинные порядки, дававшие дополнительные выплаты. В середине января (а зима была холодной) в качестве профилактической меры ввели купание в море всех подозреваемых в болезни, а затем и всех жителей подряд, включая женщин после родов. По официальному свидетельству, „лекаря среди зимы раздевали донага женщин и заставляли купаться в море, отчего многие умирали...”²².

В марте 1830 г. жителям слободок запретили покидать дома, в то время как в центре города, где жили офицеры и зажиточные горожане, жизнь продолжалась обычным порядком. Когда в мае запрет отменили, в наиболее бедной Корабельной слободе карантин продлили на неделю, усилив карантинные отряды двумя батальонами пехоты. Исчерпав все меры для предотвращения недовольства, Н.А. Столыпин прибегнул к помощи протоиерея Гаврилова, который несколько раз „увещевал” жителей слободы. По его свидетельству, толпа падала на колени, прося прекратить мучения и заявляя, что все здоровы²³. По мнению многих, слухи о холере в городе были действительно сильно преувеличены. О безобразном отношении к больным и находящимся на карантине свидетельствовал военный врач Н.И. Закревский, также оказавшийся после возвращения из плавания в „чумном барак”²⁴.

²⁰ Сергей Николаевич Сергеев-Ценский, *Севастопольская страда*, т. 2 (Москва: Правда, 1967), 255.

²¹ Цит. по: Александр Иванович Полканов, *Севастопольское восстание 1830 года: По архивным материалам* (Симферополь: Изд-во Крымской АССР, 1936), 25–26.

²² Цит. по: Александр Иванович Полканов, *Севастопольское восстание 1830 года*, 38.

²³ [С. Гаврилов], „О чумном возмущении в Севастополе 1830 года. Записка протоиерея С. Гаврилова”, предисл. М. Шугурова, *Русский архив* (1867), стб. 1375–1384.

²⁴ Н. Закревский, „Севастополь. 1830–1831 год”, *Морской сборник* 55 №9 (1861). Отд. неоф.: 1–41. См. о нем: Наталья Зеновна Леписевич, „Жизнь и литературное наследие

3 июня военный губернатор Н.А. Столыпин усилил караулы на улицах и охрану своего дома. К этому времени жители, поняв, что и в этот день оцепление не будет снято, начали вооружаться. После окончания работ в адмиралтействе толпа матросов направилась к дому губернатора на Екатерининской улице. К ним присоединились жители из Артиллерийской слободки и лачуг „Хребта беззакония”. Удары в церковный колокол одной из женщин были сигналом к бунту. Столыпина сбросили с лестницы во двор и растерзали. На Корабельной стороне солдаты присоединились к матросам. К 22 часам восставшие овладели городом, из которого бежала полиция, а гарнизон отказался подавлять бунт. Восставшие заранее составили список лиц примерно из 40 человек, подлежащих казни, но большинству удалось убежать или спрятаться. Были убиты четверо наиболее одиозных для народа лиц, плац-адъютанту Родионову отрубили ухо. Было разгромлено 42 квартиры офицеров, карантинных чиновников, врачей, купцов (русских, караимов, греков)²⁵.

Толпа избивала „чумных” чиновников и офицеров, требуя от них расписки, что чумы в городе нет. На следующий день комендант Севастополя генерал-лейтенант А.П. Турчанинов издал приказ о прекращении внутреннего карантина и переносе общей карантинной линии от города далее на две версты. 7 июня боевые части 12-й дивизии генерала В.И. Тимофеева, возвращавшиеся с театра военных действий, вошли в город. Начала работу Следственная комиссия под руководством генерал-губернатора Новороссии и Бессарабии М.С. Воронцова. К расследованию было привлечено около 6 000 человек. Первоначально 626 человек только по военно-судной комиссии было приговорено к смертной казни, которая затем была заменена тремя тысячами шпицрутенов и ссылкой на каторжные работы. Было расстреляно семь человек, около 1 000 матросов и горожан отправлено на каторгу. Еще больше было выслано их города. В „высочайшем рескрипте” от 6 августа 1830 г. на имя М.С. Воронцова, в частности, предписывалось

[...] всех женатых нижних чинов, находящихся в Севастополе, равно и имеющих там собственные дома, перевести в Херсон [это было распоряжение адмиралу А.С. Грейгу – Л.В., А.Ш.], а вам вместе с сим поручаю женам их и всем прочим женщинам, живущим в так называемых слободках, выдать паспорта и выслать из Севастополя, куда кто пожелает, слободки же уничтожить совершенно. Всех отставных нижних чинов, поселившихся в Севастополе, отправить с их имуществами и семействами в Керчь и поселить их в сем городе и окрестностях его²⁶.

севастопольского военного врача Н.И. Закревского”, Учен. зап. Таврического национального ун-та. Сер. «Исторические науки» 25 (64) № 2 (2012): 144–155.

²⁵ Александр Иванович Полканов, *Севастопольское восстание 1830 года*, 86.

²⁶ „Собственноручные резолюции Николая I по Морскому ведомству”, сост. Степан Федорович Огородников, *Морской сборник* 343 № 12 (1907). Отд. неоф.: 15.

Переселению в Херсон подлежали 4260 человек с женами и детьми, но часть их по указу от 25 сентября была отправлена в Архангельск (пешком 3000 верст). Наказания коснулись и офицерского состава. Офицеры получили выговоры, комендант А.П. Турчанинов „за бездействие” и проявленное „малодушие” был лишен званий и наград и разжалован в рядовые (умер в том же году). Интересно, что холерные события случайно способствовали археологическому открытию. 22 сентября 1830 г. в Керчи при ломке камня для постройки домов переселенным солдатам Воронежского пехотного полка на кургане Куль-Оба был открыт каменный склеп с уникальным комплексом скифского времени – богатым погребением мужчины, женщины и слуги. Золотые украшения по требованию императора были отосланы в Санкт-Петербург. 28 солдат были награждены деньгами от одного рубля и выше²⁷.

Летом 1830 г. холера появилась на Юге России: 15 июня – в устье р. Куры, 17 июня – в Баку, затем – в Астраханской губернии. Смертность в Астрахани достигала 200 человек в день. С 20 июня по 15 августа в городе заболели 3633 человека, из них умерли 2935. Из Астрахани болезнь стала распространяться вверх по Волге. 7 августа она была в Саратове, 25 августа – в Самаре, 7 сентября – в Казанской губернии, где к концу ноября насчитывалось зараженных 1403 человека (808 скончались). Одновременно в августе из Закавказья через Кизляр и Ставрополь холера проникла в Ростов-на-Дону и дальше на Украину. 3 сентября 1830 г. была создана „Центральная комиссия для пресечения эпидемической болезни холеры”. Отмечая в рескрипте от 4 сентября на имя А.А. Закревского факт, что „болезнь, известная под названием холера морбус”, распространилась по обе стороны Кавказа, включая Область Войска Донского, император возложил на министра обязанность возглавить Центральную комиссию и отправиться в места, „объятые холерою”.

Тем временем на пути болезни оказалась Москва. Еще в начале сентября холера пугала москвичей издали, но в десятых числах сентября опасность усилилась. Ф.Л. Кристин в письме от 11 сентября к графине С.А. Бобринской, находящейся в Тульской губернии под карантином, писал:

У нас большой переполох: разошелся слух, что в разных частях города мрут от холеры. [...] Все предпринимают предосторожности. Чесноку больше нельзя найти в Москве... Деготь, хлористая известь, камфора и мускус от палат до хижин распространяют свой запах по Москве. Как предохранение предписывают умеренность, трезвость, поменьше есть зелени, и вовсе не есть плодов. В случае, если начнет тошнить и слабеть, нужно тотчас обильное кровопускание из руки; при боли под ложечкой пиявки, а после того теплая ванна. Многие уезжают в Смоленск и Петербург, и Москва пустеет, как в 1812 г. Не одни только

²⁷ Ирина Владимировна Тункина, *Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX в.)* (СПб.: Наука, 2002), 163.

богатые люди покидают ее; вот уже четвертый день как рабочие бросают дело и тысячами уходят назад в деревни²⁸.

В упомянутом произведении Александра Орлова *Встреча чумы с холерою* есть и такая фраза: „Чесночок-та вздорожал, и на можжевельник честь пришла”²⁹. Торговля в Москве почти прекратилась, банки перестали проводить платежи. Жители стали носить на шее мешочки с хлористой известью, расставляли по комнатам тарелки с хлористой водой, а по утрам и вечерам натирали тело оливковым маслом. Случалось, что в принятых тогда профилактических мерах кто-то переусердствовал: до рвоты перепил дегтярной воды, или облысел, потому что мыл голову хлорной водой. Москвичей стал пугать грохот повозок с телами умерших.

24 сентября было получено донесение московского генерал-губернатора Д.В. Голицына о холере в Москве. В ответном письме Николай Павлович заявил о своей готовности приехать в Первопрестольную. Нельзя было допустить повторения „чумного бунта” 1771 г. 27 сентября (9 октября) Николай I в сопровождении В.Ф. Адлерберга, лейб-медика Н.Ф. Арендта и двух флигель-адъютантов выехал в Москву, куда прибыл 29 сентября в 11 часов пополудни. Долли Фикельмон (внучка М.И. Кутузова и жена австрийского посла в Петербурге) записала в дневнике:

Император внезапно уехал в Москву в связи с поступившими оттуда известиями о холере. Он пожелал своим присутствием поднять упавший дух москвичей и лично контролировать предпринимаемые меры по пресечению болезни. Этот порыв Императора настолько великолепен, что не может не вызывать всеобщего восхищения. [...] Все в большей или меньшей степени охвачены ужасом! Нечто жуткое таится в самом понятии „эпидемия”: она одинаково опасна для всех, и никому не скрыться от этого коварного, неумолимого врага. По приказу полиции во все дома доставляются хлорка и деготь. Помещения опрыскивают хвойным раствором и уксусом, а некоторые, кто особенно напуган, натирают уксусом и тело³⁰.

Современники были единодушны в оценке действий императора. На самом деле его появление не было столь уж неожиданным. Министр А.А. Закревский заранее предупредил о возможности прибытия императора, и с 25 сентября для него стали готовить Кремль и Петровский дворец. К 7-му

²⁸ [Фердинанд Лукьянович Кристин], „Холера в Москве (1830). Из писем Кристина к графине Софье Александровне Бобринской”, *Русский архив* 3 № 5 (1884):137–138.

²⁹ Александр Анфимович Орлов, *Встреча чумы с холерою, или внезапное уничтожение замыслов человеческих*, 12.

³⁰ Дарья (Долли) Федоровна Фикельмон, *Дневник 1829–1837. Весь Пушкинский Петербург*, пер. с фр. М. Чакыровой и С. Мрочковской-Балашовой, коммент. Светланы Павловны Мрочковской-Балашовой (Москва: Минувшее, 2009), 132–133.

номеру „Ведомостей о состоянии города Москвы”, от 29-го сентября, было приложено дополнение, в котором приводилось письмо Николая Павловича князю Д.В. Голицыну, а ниже было опубликовано известие о приезде государя в Москву³¹. С прибытием Николая I в Москву въезд в город был закрыт с 1 октября. Ф.Л. Кристин в письме к С.А. Бобринской от 2 октября 1830 г. писал: „Со вчерашнего дня Москва заперта, в течение 12 дней ее покинули 60 тысяч человек. Теперь никто не выедет и не въедет без нового распоряжения”³². Многие губернии осенью 1830 г. оказались на карантине. В трехмесячной изоляции оказался и А.С. Пушкин. В письме к невесте Н.Н. Гончаровой от 11 октября 1830 г. из Большого Болдино Нижегородской губернии поэт сетовал: „Въезд в Москву запрещен, и вот я заперт в Болдине”³³. Так стала возможной его „Болдинская осень” (более 40 произведений).

Император оставался в Москве до 7 октября. На обратном пути, подавая пример другим, он остановился в Твери на карантин и вернулся в Царское Село 20 октября, после трехнедельного отсутствия. Недельное пребывание императора в Москве нашло отражение в стихотворении А.С. Пушкина *Герой*, опубликованном в „Телескопе” Н.И. Надеждина под датой 29 сентября без подписи автора. А через десять дней Московский гарнизон был усилен целой дивизией, которая вступила в Москву с пушками и картечными зарядами³⁴. Москву разделили на 20 округов по числу полицейских частей, в каждой из которых была открыта больница на 25–50 коек, создан медицинский совет из 20 докторов. Кроме них было устроено еще несколько заведений на частные пожертвования. На помощь медикам были призваны казеннокоштные студенты закрывшегося на время эпидемии Московского университета. Сокурсник В.Г. Белинского Н.А. Аргилландер вспоминал:

Мы от нечего делать ходили неоднократно с Белинским по этим холерным больницам к студентам-медикам и пили с ними постоянно прямо из бочек чуть ли не ковшами больничное красное вино, что, может быть, нас и предохраняло. Самая неприятная вещь – это было возвращение наше в здание университета, где нас окуривали какою-то гадостью с омерзительным запахом. Белинский всегда этим страшно возмущался³⁵.

³¹ [Фердинанд Лукьянович Кристин], „Холера в Москве (1830). Из писем Кристина к графине Софье Александровне Бобринской”, 137–138.

³² Там же, 142.

³³ Александр Сергеевич Пушкин, *Письма к жене*, издание подготовила Я.Л. Левкович (Ленинград: Наука, 1986), 16.

³⁴ [Фердинанд Лукьянович Кристин], „Холера в Москве (1830). Из писем Кристина к графине Софье Александровне Бобринской”, 146.

³⁵ Николай Андреевич Аргилландер, „Виссарион Григорьевич Белинский (Из моей студенческой с ним жизни)”, *Русская старина* 28 № 5 (1880): 140.

Считалось, что вино предохраняет от заразы. На самом деле алкоголь способствует болезни. Но обратное мнение было распространено в народе и во время следующей эпидемии 1848 г., о чем свидетельствует сатирическая картина Павла Федотова „Во всем холера виновата” (1848, Русский музей), где один из перепивших собутыльников лежит без сознания на полу. Для бедных открыли „нищепитательницы”, т.е. бесплатные столовые. Выздоровевшим при выходе из больниц выдавали деньги и теплую одежду. Все без исключения товары было предписано посыпать хлорной известью.

Ко дню своих именин 6 декабря император сделал подарок москвичам. Ф.Л. Кристин в письме от 5 декабря сообщал:

Из Петербурга пришло повеление открыть Москву с завтрашнего дня. Для своих именин государь не мог оказать подданным своим лучшей и более благовременной милости, потому что положение становилось невыносимым и грозило гибельными последствиями. Население доведено было до отчаяния, солдаты измучены на кордонной службе. Жители голодали, и крестьяне разорены³⁶.

Вероятно, Николай Павлович учитывал и трагический опыт Севастополя. Но еще оставались кордоны на дорогах. В письме от 3 декабря Ф.Л. Кристин сообщал: „По высочайшему повелению министр внутренних дел приказал снять все карантинные пункты, кроме того, который на Петербургской дороге; да и тот, вероятно, скоро снимут, потому что холера признана заразительною, но вовсе не прилипчивою болезнью”³⁷. Статистика заболеваемости в Москве публиковалась в „Ведомостях о состоянии города Москвы” – так называемой „холерной газете”, издававшейся с 23 сентября по 6 января. Целью публикаций было пресечение беспочвенных слухов. С момента развития болезни к началу января холерой заразились 8 340 москвичей, скончались 4531, то есть смертность превышала 50%. Болезнь не столь интенсивно продолжалась еще какое-то время. К концу января число заболевших увеличилось до 8 576 человек.

В ноябре 1830 г. произошел стихийный бунт в Тамбове, о котором рассказывает следственное дело Тамбовского губернского правления. В июле 1830 г. в городе распространились слухи о „холере морбус”. Осенью появились первые жертвы, около пяти человек в день. Вздорожало продовольствие, крытые повозки забирали больных и пьяных в холерную больницу, не разбираясь. Основными средствами лечения считались пускание крови и горячие ванны, больным давали каломель (минерал, использовавшийся

³⁶ [Фердинанд Лукьянович Кристин], „Холера в Москве (1830). Из писем Кристина к графине Софье Александровне Бобринской”, 150.

³⁷ Там же, 151.

ранее в медицине как противомикробное средство) и опий (опиум)³⁸. Доведенные до отчаяния жители считали, что врачи и полицейские обманывают народ, говоря о холере. 17 ноября 1830 г. по приглашению городского головы, купца Байкова, на площади собралась толпа купцов, мещан и однодворцев с криками: „Нет холеры! Зачем забирают людей в больницу?“ Под руководством мещанина Данилы Ильина был составлен приговор (153 подписи) и прошение на имя государя. Ночью бунтовщики насильно сняли оцепление с трех домов в карантине. Утром 18 ноября толпа опять собралась перед городской думой, затем ворвалась в больницу, испортив имущество и избив фельдшера. Губернатор И.С. Миронов с частью батальона ничего не смог сделать. 19 ноября в соборе состоялся молебен, на котором священник пытался увещевать горожан. Вскоре в Тамбов вступили подразделения полков Вятского и Казанского, Митавский гусарский полк и Конно-пионерный эскадрон. Бунт был прекращен, о чем губернатор сообщил в донесении императору³⁹. По приговору военно-судной комиссии, в которой участвовал флигель-адъютант К.М. Ивелич, главными виновниками тамбовского холерного бунта были признаны мещане Данила Ильин и Евлампий Акимов. Оба они были приговорены к наказанию плетьюми и ссылке на каторгу. Восемь человек наказали шпицрутенами. Всех же подсудимых было 200 человек, в том числе городской голова Байков, купец Вологин, купец Куприянов, два купца Толмачевы и частный пристав Шатилов. Эзекуция над осужденными 1-й и 2-й категории происходила в Тамбове 1 сентября 1831 года⁴⁰.

К началу января 1831 года холера в Москве в основном прекратилась. Пострадала и Московская губерния, в которой с 15 сентября 1830 г. по март 1831 г. переболели 8798 и умерли 4846 человек. Особенно пострадали в 1830 г. Астраханская, Ставропольская, Оренбургская, Саратовская и Херсонская губернии. В большинстве этих губерний эпидемии, начавшись в июне – августе, продолжались до октября 1830 г. и даже января 1831 г. В юго-западной части Европейской России – Бессарабской области, Подольской, Волынской и Киевской губерниях, а также в Москве, сохранились эпидемические очаги. Всего в течение 1830 г. в России была поражена 31 губерния, по неполным данным, заболели 68 091 человек и умерли 37 595.

В 1831 г. с наступлением тепла эпидемия снова распространилась на центральные губернии, связанные крестьянским отходом с Москвой (Калужская, Тульская), а также – на Белоруссию (Могилевская губерния) и на Малороссию (Волынская, Подольская, Черниговская). В марте 1831 г. она охватила новые регионы в Белоруссии (Минская, Гродненская

³⁸ Иван Иванович Дубасов, „Тамбовская холерная смута в 1830–31 гг.“, *Исторический вестник* 29 № 9 (1887): 626.

³⁹ Там же, 627.

⁴⁰ Там же, 628.

губерния), Белостокскую область и Царство Польское, в мае – Рязанскую, Орловскую, Воронежскую, Курляндскую, Лифляндскую, Смоленскую, Витебскую, Архангельскую, а также (вторично) Нижегородскую, Ярославскую, Вологодскую губернии.

В Санкт-Петербурге новый 1831 год начинался тревожно. После Ноябрьского восстания 1830 г. в Варшаве последовал манифест Николая I от 24 января (6 февраля) 1831 г. о военных действиях против поляков („за честь и целостность державы нашей“)⁴¹. В армии под командованием И.И. Дибича-Забалканского, в январе 1831 г. вступившей на территорию Польши, также началась холера. Погибло более 12 тысяч человек. В конце мая под Пултуском скончался от холеры И.И. Дибич, а 15 (27) июня в семь с половиной часов вечера в Витебске – цесаревич Константин Павлович. В Петербург его забальзамированное тело было доставлено только 14 августа. Военный конвой был подвергнут карантину. В связи с санитарными предосторожностями тело цесаревича провезли мимо Царского Села и на три дня выставили в Петропавловском соборе среди траурного убранства. Публика не допускалась. Императорская фамилия не присутствовала на панихидах. 17 августа состоялось погребение тела цесаревича. Его титул 29 августа перешел к наследнику великому князю Александру Николаевичу. Княгиня Лович (вторая супруга цесаревича) недолго жила в Елагиноостровском дворце, после похорон поселилась сначала в Гатчине, а затем по приглашению Николая I переехала в Царское Село. Скончалась она в годовщину Ноябрьского восстания в Варшаве 17 (29) ноября. „Родители, – вспоминала Ольга Николаевна, – приняли ее как сестру. Сломанная душой и телом от всего перенесенного, она не оправилась больше и скончалась как раз год спустя после революции, оплакиваемая теми немногими, в кругу которых она светила своей добротой“⁴². В присутствии Николая Павловича, возвратившегося из Москвы 27 ноября, она была похоронена в католической церкви Св. Иоанна Крестителя в Царском Селе (в 1929 г. перезахоронена в Польше).

Но было и другое следствие Польского восстания в самой России. Наряду с врачами и фельдшерами народ стал причислять к отравителям поляков или подкупленных ими людей. Ходили нелепые слухи, что поляки ходят ночью по огородам и посыпают овощи ядом, а в бочки с питьевой водой всыпают яд, что якобы целые грузы мышьяка, привезенные на кораблях, высыпаны в Неву, вода которой считалась наиболее чистой для питья⁴³. Об этих неле-

⁴¹ Подробнее см.: Светлана Михайловна Фалькович (ред.), *Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в.* (Москва: Индрик, 2016).

⁴² *Ольга Николаевна, королева Вюртембергская, „Сон юности: Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846“ в Николай I: Муж. Отец. Император*, сост., предисл. Наталии Ивановны Азаровой (Москва: Слово, 2000), 188.

⁴³ Авдотья Яковлевна Панаева (Головачева), *Воспоминания* (Москва: Правда, 1986), 40.

пых обвинениях, распространившихся к лету, упоминают многие современники, в частности, гвардейский офицер И.Р. фон дер Ховен⁴⁴.

Санкт-Петербург был уже окаймлен проблемными губерниями, но его жители продолжали беспечно веселиться на „масленной неделе” (неделя перед Великим постом) и на „Святой неделе” после Св. Пасхи (19 апреля); не были отменены массовые гуляния, театры были заполнены публикой. Первый неприятный эпизод произошел 29 мая, когда к Калашниковской пристани пришла барка из Вытегры (Вологодская губерния). В середине июня на ней заболел судорабочий, позже вылеченный⁴⁵. Судя по всему, случаи заболеваемости были и ранее, но только 17 июня в „Санкт-Петербургских ведомостях” (№ 141) появилось первое объявление от генерал-губернатора, о том, что накануне в Рождественской части холерой заболели и умерли от нее маляр и будочник, а в Литейной – служитель в трактире. 18 июня появился первый бюллетень о заболевших и умерших.

Днем ранее, 16 июня 1831 г. был образован „Санкт-Петербургский комитет, составленный под председательством г. губернатора, для принятия мер против распространения холеры в здешней столице”. Военным губернатором с начала 1831 г. был назначен П.К. Эссен, среди членов Комитета находился министр внутренних дел и финляндский генерал-губернатор А.А. Закревский. На каждую часть города были определены особые попечители, началось устройство временных больниц, под городом отмежеваны участки для погребения скончавшихся от холеры.

17 июня в целях борьбы с холерой Николай I приказал оцепить караулами Петергоф с ближайшими деревнями. Великая княжна Ольга Николаевна вспоминала: „Никто не имел права въезда в Петергоф. Лучшие фрукты этого особенно теплого лета выбрасывали, также салат и огурцы. Кадетские корпуса одели своих воспитанников во фланелевые блузы. Им посылались чай и вино. Мы, дети, не понимали опасности и радовались удлиненным каникулам ввиду того, что наши учителя не могли покинуть город”⁴⁶. Въезд в Петергоф и в Царское Село после переезда туда Императорского двора был строго ограничен. Сначала паники не было. А.С. Пушкин, находящийся в Царском Селе, писал в письме Е.М. Хитрово не позднее 20 июня: „Итак, у вас появилась холера; впрочем, не бойтесь. [...] Надо надеяться, что эпидемия окажется не слишком сильной, даже среди простого народа. В Петербурге много воздуха, да притом и море...”⁴⁷. Более сведущий Константин

⁴⁴ Иван Романович фон дер Ховен, „Холера в С.-Петербурге в 1831 году: Рассказ современника и очевидца”, *Русская старина* 44 № 11 (1884), 397.

⁴⁵ [Петр Петрович Каратыгин], „Холерное кладбище на Куликовом поле. 1831 г.”, *Русская старина* 22, Кн. 2, № 7 (1878), 482. Статья подписана инициалами П.П.

⁴⁶ *Ольга Николаевна, королева Вюртембергская*, „Сон юности”, 188.

⁴⁷ Александр Сергеевич Пушкин, *Собр. соч. В 10 т.*, т. 10 (Москва: Изд-во Художественной литературы, 1962), 38.

Булгаков, получавший свежую информацию от А.А. Закревского, писал своему брату Александру в Москву в письме от 29 июня 1831 г., что уже сделал окончательный вывод:

Мы не избежали холеры. Вчера было две недели, как она началась и порядочно уже развилась [...] Теперь, что она с нами, и мы к ней, как вы в Москве, привыкаем. Не опасаемся ее, но принимаем все известные предосторожности, между прочим вечером сидим дома, едим умеренно и только дозволенное, носим на брюхе фланель, трем тело каждое утро пенною настойкою с перцем, и, благодаря Господу Богу, все у нас здоровы, в Почтамте было несколько случаев между инвалидами и женщинами, но доселе чиновники здоровы, и также ни один почтальон не занемог, в добрый час будь сказано. Я всякую ночь ночую здесь, езжу в 7 часов утра в должность, а к обеду на дачу... Будь покоен, все мы осторожны, а фруктов никто в рот не берет, как ни приманивают разносчики, выхваляя клубнику, дыни и пр. Говорят, что в числе забратых под стражу за беспорядки есть поляки...⁴⁸.

Эпидемия холеры, – писал в своих воспоминаниях Главный начальник III отделения СЕИВ Канцелярии и шеф жандармов А.Х. Бенкендорф, – устршила все классы общества, которые заволновались. Особенно это сказалоь на народных низах, страдавших от мер санитарного контроля, кордонов вокруг города, активного полицейского наблюдения и даже от тех забот, которое правительство им предоставляло в госпиталях. Встревоженные всеми этими принудительными мерами, они стали собираться толпами, нападать на улицах на иностранцев, обыскивать их для того, чтобы найти этот выдуманый яд, они громко обвиняли врачей в отравлениях, они распускали слухи о том, что воды Невы, якобы, отравлены⁴⁹.

К.С. Барабанова, автор кандидатской диссертации, посвященной борьбе с холерой в Санкт-Петербурге в 1830 году, на основе архивных документов и других источников выделяет два этапа этой борьбы. На первом этапе власть пыталась справиться с эпидемией исключительно административными мерами, организацией чрезвычайных органов и назначением временных чиновников, что не предотвратило бунт. На втором этапе была расширена система чрезвычайных органов, а также к совместной работе стала широко привлекаться общественность, в том числе купечество, поощрялась благотворительность. Это способствовало формированию местного сообщества⁵⁰.

⁴⁸ „Из писем Константина Яковлевича Булгакова к брату его Александру Яковлевичу”, *Русский архив* 3 № 12 (1903): 563–564.

⁴⁹ Александр Христофорович Бенкендорф, *Воспоминания. 1802–1837* (Москва: Российский фонд культуры, 2012), 481. Это первый полный перевод его мемуаров, находящихся в ГА РФ.

⁵⁰ Ксения Сергеевна Барабанова, *Эпидемия холеры в Санкт-Петербурге в 1831 г.: власть и горожане в условиях чрезвычайной ситуации. Автореф. дис. ... канд. ист. наук* (СПб., 2017), 24–25.

На первом этапе администрация и народ существовали сами по себе, как в двух параллельных мирах. Для образованной публики в газетах ежедневно печатались медицинские рекомендации, предлагались лекарства. 25 июня МВД был издан документ „Краткое наставление к распознаванию признаков холеры, предохранения от оной и средства при первоначальном ее лечении”. Среди рекомендаций были и трудноисполнимые. Например, запрещалось „пить воду нечистую, пиво и квас молодой”⁵¹. Самая чистая и дорогая вода из Невы развозилась водовозами в белых бочках, в желтых (дешевле, более грязная вода) – из Фонтанки, а в зеленых – из каналов. Большая часть населения Петербурга (это были крестьяне-отходники и чернорабочие) пользовалась некачественной водой из Фонтанки и каналов. Или другой пункт: „Запрещается жить в жилищах тесных, нечистых, сырых”⁵². Хотя с началом холеры столицу покинули более 20 тысяч крестьян-отходников, большое число чернорабочих продолжало жить в антисанитарных условиях – в подвалах, на чердаках или на стройках по месту работы. В „наставлении” содержались также конкретные рекомендации по гигиене. Предписывалось омы-вать тело раствором хлористой соды или уксуса, или водкой, смешанной с деревянным маслом [низшим сортом оливкового масла – Л.В., А.Ш.]. Но самым опасным для добросовестных исполнителей этих „наставлений” оказался следующий пункт: „Предписывалось иметь с собой скляночку с раствором хлористой соды, или уксусом, которыми чаще потирать руки, около носа, кроме сего носить в кармане сухую хлористую известь, зашитую в полотняную сумочку”⁵³. Если все это обнаруживалось у кого-то на улице, то в лучшем случае человека заставляли все выпить или съесть, но зачастую такие люди подвергались побоям как „отравители”. Первый зафиксированный случай, который был доведен до расследования, произошел еще 2 июня 1831 г. в булочной дома Шеде, где якобы был обнаружен на хлебной полке белый порошок. Доставленный в съезжую часть подозреваемый, титуляр-ный советник Михаил Руднев, был оправдан.

Насильственная госпитализация была также серьезным поводом для возмущения. Центральная больница находилась в грязном и смрадном переулке у Сенной площади, но в разных концах города было устроено 19 временных плохо оборудованных больниц на 820 коек. Полиции пред-писывалось насильно отправлять в больницы как заболевших, так и подо-зреваемых в заболевании. Лежащих на улице пьяных (в то время распро-странилось пьянство) как мнимых больных также забирали и отправляли в больницу. О яростном и неоправданном усердии нижних полицейских чинов упоминают многие современники. Одной из причин возмущения

⁵¹ Цит. по: Иван Романович фон дер Ховен, „Холера в С.-Петербурге в 1831 году”, 395, 397.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

были экономические потери торговцев, в том числе продавцов фруктов, чей товар портился и оказывался на свалке. Сократилось число посетителей харчевен.

Больницы представляли печальное зрелище. Врачи, которым не хватало знаний, также усердствовали и были к пациентам безжалостны. В систему лечения входили порошок из шпанских мушек, горчичники, микстуры, горячие ванны и кровопускания, неуместные при холере. Смертность в переполненных больницах была высокой. Петербуржцам было трудно психологически воспринимать погребальные процессии, когда из больниц (до 3 июля в дневное время) на лошадях вывозили вереницы черных осмоленных гробов.

За день до бунта на Сенной площади состоялись крестные ходы из всех церквей, а вечером возбужденная толпа разгромила лазарет в Рождественской части на улице Лосевой (на Песках)⁵⁴. Основные трагические события развернулись на следующий день, 22 июня, в безмянном тогда переулке у Сенной площади, где в доме Таирова находилась центральная больница. По мнению многих, одной из побудительных причин к мятежу послужило возмутительное происшествие. Кучер с Садовой улицы оставил утром дома свою жену здоровой, а вернувшись через несколько часов, узнал, что ее увезли в Таировскую больницу. Там его отправили в сарай, где складировались раздетые трупы, но жена оказалась не умершей, а живой (умерла через два часа). Главным доктором больницы был коллежский советник Земан (убитый в тот же день), ординаторами – доктор из иностранцев Тарони и надворный советник Молитор.

А.Х. Бенкендорф следующим образом описывает бунт на Сенной:

Эти ослепленные люди мало-помалу осмелели и большими толпами собрались на любимой ими Сенной площади, там они останавливали экипажи, оскорбляли иностранцев и врачей, подняли руку на полицейских офицеров и жандармов, которые прибыли для того, чтобы восстановить порядок. Наконец, как бешеные животные, они бросились к стоявшему на площади дому, в котором был недавно устроен госпиталь. В один момент эти несчастные наполнили дом, они верили в отравление и с пеной у рта искали жертв, окна были разбиты на тысячи кусков, мебель выброшена на улицу, больные изгнаны из дома, умирающих бросили на мостовой, бедных служителей госпиталя и санитаров избили и преследовали, наконец, врачей гнали с этажа на этаж и убивали со всей жестокостью бредового ослепления. За несколько мгновений до этого в толпе появился генерал-губернатор, но его слова не были услышаны. Его полномочий не хотели признавать, ими пренебрегли. Полицейских осыпали руганью.

⁵⁴ Аркадий Гаврилович Пупарев, „Холерный месяц в С.-Петербурге. Июнь 1831 г.», *Русская старина* 44 № 11 (1884): 401–416.

Видя, что их жизнь подвергается опасности, они попрыгали или ходили переодетыми, не осмеливаясь использовать свои полномочия⁵⁵.

Сохранила эти события в памяти (по рассказам взрослых) и великая княжна Ольга Николаевна: „В отчаянье от холерной эпидемии, уносившей ежедневно до трехсот жертв, чернь восстала против врачей и начала их избивать, уверяя, что они отравляют больных”⁵⁶.

Тогда военный генерал-губернатор граф П.К. Эссен собрал городских начальников. Командиру оставшихся в городе запасных гвардейских батальонов И.В. Васильчикову (основные батальоны участвовали в Польской кампании) было приказано навести порядок. И.В. Васильчиков с барабанным боем двинулся на Сенную площадь и оттеснил толпу, которая не собиралась успокаиваться. Во время бунта на Сенной были жертвы. На третий день после событий, 25 июня, Константин Булгаков сообщал брату Александру, что по слухам, трех докторов „так избивали, что они умерли”⁵⁷. Пострадавших было больше.

О бунте в столице Николай I узнал в Петергофе и приказал на следующий день всем воинским начальникам собраться у Елагинского моста, то есть у своего Елагиноостровского дворца, который также был „заперт” от холеры. 23 июня на придворном пароходе „Ижора” вместе с А.С. Меншиковым и лейб-медиком Н.Ф. Арендтом он вскоре прибыл в свою резиденцию. Узнав обстановку, он пересел вместе с Меншиковым в дорожную коляску четверней в ряд и Каретной частью прибыл на Сенную площадь, „где еще были видны жертвы ярости народа, и огромная клокочущая толпа заполняла все ее пространство”⁵⁸. Некоторые из современников упоминают также А.Ф. Орлова, который мог быть во второй коляске. Остановив коляску среди толпы (около пяти тысяч человек), император встал и угрожающим звучным голосом приказал всем встать на колени. Его речь, переданная в письме В.А. Жуковского⁵⁹ или в мемуарах А.Х. Бенкендорфа⁶⁰, красива, но несколько длинновата. Рефреном звучали две фразы – „На колени!” и „Покайтесь!”. Офицер И.Р. фон дер Ховен передает ситуацию со слов очевидцев следующим образом: „Седые головы ко мне [...]. На колени! Молитесь за те жертвы, которые вы вчера невинно погубили!»⁶¹ Перед отъездом он поцеловал старика из толпы. Аналогично вспоминает Ольга Николаевна:

⁵⁵ Александр Христофорович Бенкендорф, *Воспоминания. 1802–1837*, 481–482.

⁵⁶ Ольга Николаевна, *королева Вюртембергская*, „Сон юности”, 192.

⁵⁷ „Из писем Константина Яковлевича Булгакова к брату его Александру Яковлевичу”, 563.

⁵⁸ Александр Христофорович Бенкендорф, *Воспоминания. 1802–1837*, 482.

⁵⁹ Иван Романович фон дер Ховен, *Речь, сказанная императором Николаем I во время народного волнения на Сенной площади в 1831 году (Заметки на письмо В.А. Жуковского)*, 399–400.

⁶⁰ Александр Христофорович Бенкендорф, *Воспоминания. 1802–1837*, 482.

⁶¹ Иван Романович фон дер Ховен, „Холера в С.-Петербурге в 1831 году”, 399.

Его неожиданное появление оказало магнетическое действие. Все головы обнажились. „Дети, – воскликнул он своим низким, звучным голосом, покрывшим мгновенно гул толпы, – дети, что вы делаете? На колени – ваш государь требует этого, на колени и просите у Господа прощения”. И толпа, только что бунтовавшая, встала, рыдая на колени. С этого дня порядок больше не нарушался. Через несколько часов Папá вернулся в Петергоф, взял ванну, переменял одежду и появился вовремя к столу, так что Мама́ не заметила его длительного отсутствия⁶².

На следующий день, 24 июня, Константин Булгаков сообщал брату Александру по горячим следам:

Вчерашний день пред больницами все было спокойно. Государь приехал в город, был на Сенной, народ ему обрадовался, он их побранил за беспорядки, велел им тут же молиться и просить у Бога прощения; отслужили молебен, и все разошлись. Там и перед другими больницами поставлены пикеты. Так что можно быть покойну, что более не будет беспорядков. Разбитые больницы восстанавливаются. Государь, откушав в Елагином дворце, вчера же возвратился на пароходе в Петергоф⁶³.

После отъезда императора в столице было объявлено военное положение. Граф Орлов и князь Трубецкой были назначены временными губернаторами двух частей города. Ночные патрули следили, чтобы с 11 часов вечера и до 6 часов утра жители не собирались числом более 5 человек. Эффектная сцена успокоения толпы осталась в памяти многих современников, и именно она изображена на рельефе памятника Николаю I.

Накануне дня своего рождения, 24 июня, он был в Петергофе (в императорской семье поздравлять и дарить подарки было принято накануне дня рождения или именин), но вновь пришли тревожные известия. На следующий день, 25 июня, он вновь пароходом отправился на Елагин остров, затем с военным министром графом А.И. Чернышевым объехал город и побывал в Аничковом дворце. Власти сделали выводы. 25 июня было объявлено о добровольном помещении больных в больницу, а полиции было предписано не вмешиваться. В тот день Константин Булгаков написал о своем соседе по даче А.А. Закревском:

Вчера я был у Закревского. Ему еще больше достается моего: кроме министерства в Финляндии, у него еще два в день заседания в комитете холерном, из которого в эти два дня от часу первом возвращался на дачу. [...] Если бы не глупые эти беспокойствия, если бы больницы остались целы, то теперь бы уже весьма была ощутительна от них польза; но три были совершенно опрокинуты, и Бог знает, что сделалось с больными и сколько они распространили болезнь⁶⁴.

⁶² *Ольга Николаевна, королева Вюртембергская*, „Сон юности”, 192.

⁶³ „Из писем Константина Яковлевича Булгакова к брату его Александру Яковлевичу”, 562.

⁶⁴ Там же.

Только после трагических событий на Сенной площади отношение к холере изменилось и народ стал ходить с платками у рта. В письме от 1 июля 1831 г. Константин Булгаков писал Александру:

Не очень верю я прилипчивости, но не бравирую. Всегда со мною табакерочка, в коей уксус с хлором, тру свои руки иногда, а, впрочем, долг свой исполняю и в Почтамте, и в Департаменте. Князя [А.Н. Голицына, главноуправляющего почтовым департаментом – Л.В., А.Ш.] здесь нет, следовательно, все на мне лежит, и, кажется, идет все порядочно [...]. В городе все спокойно. Теперь народ верит холере и ужасно ее боится. Работники оставляют город тысячами, а по улицам все ходят с платками у рта, для чего уже право не знаю. У кого уксус, у кого хрен в платке⁶⁵.

Вероятно, от своего соседа по даче А.А. Закревского Константин Булгаков узнал о характерном случае, который произошел с его тестем, графом Федором Андреевичем Толстым, отцом Аграфены Закревской, известной „Медной Венеры” (А.С. Пушкин), двоюродным дедом Л.Н. Толстого. В письме от 6 июля 1831 г. он сообщал брату: „Надобно тебе рассказать анекдот про графа Толстого, тестя Закревского. Бывши у зятя, вдруг он вскочил, начал бегать по комнате и кричать, что он в холере, что весь горит. Натурально всех перепугал. Что же вышло? У него в штанах была большая скляночка с самым крепким уксусом, пробка вскочила, уксус весь вылился и стал ему жечь брюхо и ниже. Кончилось большим смехом, но долго ему не того было”⁶⁶. По воспоминаниям Авдотьи Панаевой, у них в комнатах стояли плошки с дегтем, несколько раз в день окуривали можжевельником. „Находились субъекты, вспоминала она, – которые намазывали себе все тело жиром кошки; у всех стояли настойки из красного перцу. Пили деготь. Один господин каждый день пил по рюмке бычачьей крови”⁶⁷. В почтамте добавилось работы. Письма, предварительно пробитые гвоздями, окуривались, из-за чего происходила задержка писем⁶⁸.

В связи со сведениями, что в окрестностях Царского Села появилась холера, первоначально был отменен традиционный переезд туда из Петергофа Императорской семьи и Двора. Но уже в письме от 8 июля Константин Булгаков сообщил брату Александру: „Двор завтра переезжает в Царское Село. Вышло, что в Пулкове совсем не холера”⁶⁹. Ограничительные меры были те же. Так же, как и для поездки ранее в Петергоф, для этого необходимо было иметь „билеты военного дежурства Главного штаба”. В письме

⁶⁵ Там же, 554.

⁶⁶ Там же, 565.

⁶⁷ Авдотья Яковлевна Панаева (Головачева), *Воспоминания*, 41.

⁶⁸ „Из писем Константина Яковлевича Булгакова к брату его Александру Яковлевичу”, 567.

⁶⁹ Там же, 556.

к В.А. Жуковскому от 10 сентября 1831 г., сетуя на невозможность приехать к нему в Царское Село, Н.В. Гоголь писал: „Но не такова досадная действительность или существенность; карантин превратили эти 24 версты в дорогу от Петербурга до Камчатки”⁷⁰.

Необычными были и похороны. Константин Булгаков в письме от 7 июля 1831 г. писал: „Вчера гуляя по Каменному острову, мы встретили похороны Потоцкого. Жаль мне его. Шествие было не парадное. За гробом шли только родные”⁷¹. Но это были не „холерные” похороны. Станислав Станиславович Потоцкий (1887–1831), военачальник и обер-церемониймейстер (с 1828 г.) скончался 4 июля, но он не был „холерным”. Узнав о его кончине, Николай I писал И.Ф. Паскевичу: „Потерял я также бедного генерала Потоцкого, которого любил и уважал, как друга, но сей не от холеры, а от камня в печени”⁷². 3-го июля было объявлено, что по „высочайшему повелению, умершие холерою впредь имеют быть хоронимы не днем, а по ночам”. Артист (комик, брат трагика Василия), драматург и мемуарист П.П. Каратыгин вспоминал: „Памятны эти ночи петербургским старожилам. При красноватом мерцающем свете смоляных факелов с одиннадцати часов вечера тянулись по улицам целые обозы, нагруженные гробами, без духовенства, без молитвы; тянулись за городскую черту, на страшные, отчужденные, опальные кладбища”⁷³. Одно из них находилось на Выборгской стороне на Куликовом поле. Там были индивидуальные и братские могилы (человек на 50). По рассказу кладбищенского сторожа П.П. Каратыгин записал:

Под большим крестом была раскинута парусиновая палатка, в ней помещался „батюшка” с дьячком... оба выпивши... и тут же полицейские. Ямы вырыты глубокие; на дно известь всыпана и тут же целыми бочками заготовлена... Ну, видим, – едут из города возы: гробы наставлены, как в старину дрова складывали, друг на дружку нагромождены; в каждый воз пара лошадей впряжена, и то еле лошадям под силу. Подъедут возы к ямам: выйдет „батюшка” из палатки, горсть песку на все гробы кинет, скажет: „Их же имена Ты, Господи, веши” – и дело с концом!⁷⁴

К началу июля эпидемия достигла пика, но к концу месяца пошла на спад, хотя, как заметила Долли Фикельмон, „город почернел от траурных одежд”⁷⁵. Последнее свидетельство о холерном заболевании появилось в „Северной пчеле” 6 ноября, а об ее окончании было объявлено 7 ноября.

⁷⁰ Николай Васильевич Гоголь, *Полн. собр. соч. в 14 т.*, т. 10: *Письма 1820–1835* (Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1940), 206.

⁷¹ „Из писем Константина Яковлевича Булгакова к брату его Александру Яковлевичу”, 565.

⁷² Цит. по: Николай Карлович Шильдер, *Император Николай I. Его жизнь и царствование* Кн. Вторая. (М.: Чарли, 1996), 339.

⁷³ [Петр Петрович Каратыгин], „Холерное кладбище на Куликовом поле. 1831 г.”, 485.

⁷⁴ Там же, 486.

⁷⁵ Долли Фикельмон, *Дневник 1829–1837. Весь Пушкинский Петербург*, 133.

В общей сложности эпидемия в Санкт-Петербурге продолжалась 4 месяца и 17 дней. По подсчетам П.П. Каратыгина на основании ведомостей, за весь период эпидемии заболели 9245, умерли 4557 человек⁷⁶. По его мнению, это число было преуменьшено, по крайней мере, на целую треть. Называлось примерное количество в семь тысяч человек.

О размахе эпидемии свидетельствует и перечень ее жертв, в том числе и среди высших слоев населения. В Санкт-Петербурге скончались: бывший министр внутренних дел В.С. Ланской, мореплаватель В.М. Головин, граф А.О. Ланжерон, герой войны 1812 г. В.Г. Костенецкий, тайный советник К.И. Баумгартен, профессора Н.П. Щеглов, Т.О. Рогов, артисты П.С. Молчанов и В.И. Рязанцев, книгопродавцы И.И. Глазунов, М.И. Заикин и др. Одной из жертв стал известный в столице предприимчивый купец Василий Иванович Пивоваров. В конце 1830 г., в надежде на большую прибыль, что оправдалось, он скупил партию деревянного масла, но по иронии судьбы скончался 24 июня 1831 г. вместе с женой, старшим сыном, кухаркой и рыбаком, у которого в то утро жена покупала рыбу⁷⁷. Для устройства сирот в Петербурге, как и в Москве, был образован Сиротский институт. Историческая память о холерной эпидемии 1831 г. в Санкт-Петербурге сохранялась в двух часовнях. В 1832 г. на улице, называвшейся с 1856 г. Николаевской (ныне Марата, 24), были освящены две часовни при единоверческой евангелической церкви Св. Николая Угодника.

Отчасти отголоском петербургских событий стало восстание военных поселян в Новгородской губернии 11–22 июля (23 июля – 3 августа), эпицентром которых стала Старая Русса. По мнению И.Р. Ховена, именно исход населения в эту губернию в конце июня – начале июля 1831 г. способствовал живучести слухов об умышленном отравлении народа⁷⁸. Рабочие, выехавшие и высланные из столицы рассказами, как они „кольями выгоняли холеру”, возбуждали военных поселян. Действующие батальоны участвовали в Польской кампании, а в военных поселениях оставались резервные батальоны с большим количеством бывших кантонистов. Еще до выступления они пытались задерживать подозрительных лиц, как „отравителей”.

Хроника выступления была следующая⁷⁹. Вечером 10 июля в казармах 10-го военно-рабочего батальона произвели окуривание, в связи с чем пришлось ночевать на улице, что привело к заболеванию нескольких человек. Поручик Соколов, выслужившийся из солдат, желая отомстить командиру, начал внушать солдатам, что их отравляют. Вечером следующего

⁷⁶ [Петр Петрович Каратыгин], „Холерное кладбище на Куликовом поле. 1831 г.”, 488.

⁷⁷ Там же, 487–488.

⁷⁸ Иван Романович фон дер Ховен, „Холера в С.-Петербурге в 1831 году”, 394.

⁷⁹ Подробнее см.: Павел Петрович Евстафьев, *Восстание военных поселян Новгородской губернии в 1831 г.* (Москва: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934).

дня солдаты схватили капитана Шаховского, заподозренного в рассыпании яда и потащили в Старую Руссу. К толпе присоединились мещане. Были разбиты кабаки, первым был убит в своей постели лекарь Вагнер. Генерала от артиллерии Н.И. Менеса, пытавшегося убеждать в нелепости слухов, стащили с дрожек и разбили голову о мостовую. Найдя в дровяном сарае ненавидимого полицмейстера Манжоса, подвергли его истязаниям и убили.

В ночь с 11 на 12 июля солдаты и мещане, возглавляемые поручиком Соколовым и городовым старостой Солодожниковым, разграбили аптеку, присутственные места, квартиры офицеров, несколько офицеров и врачей были подвергнуты истязаниям. Ночью начались выступления в ближайшем округе Киевского гренадерского полка. Арестованных лиц посадили на гауптвахты с намерением их казнить. Часть офицеров и лекарей, от которых добивались признания об отравлении, была замучена. 12 июля начальник войск, собранных ранее в лагере под Княжим двором, генерал-майор Н.И. Леонтьев направил батальон в Старую Руссу. Он вернул часть солдат в казармы и разогнал мещан и купцов, собиравшихся судить арестованных офицеров. Многие солдаты разбежались по окрестным селениям, где также подняли солдат на бунт (12–14 июля).

Вечером 13 июля в Старую Руссу прибыли войска, а в соседний округ также начальник резервных батальонов генерал А.Х. Эйлер. Были похоронены тела замученных офицеров, но полностью овладеть ситуацией не удалось. 16–17 июля начались выступления в округах полков 1-й гренадерской дивизии в Новгородском уезде на Волхове. Там также хватали и истязали офицеров и врачей, в некоторых округах были подготовлены петиции на имя императора об истреблении изменников и отравителей. 18 июля начались выступления в округах поселения гренадерского полка принца Павла Мекленбургского и 2-го карабинерного полка фельдмаршала Баркляя де Толли. Через два дня Старая Русса была взята вооруженными толпами поселян, генерал Леонтьев был убит, генерал Эйлер тяжело ранен. Также произошли волнения в округах военного поселения гренадерских полков: Киевского, Московского и Екатеринославского. 20 июля (1 августа) еще одна из частей отказалась повиноваться. Только 22 июля (3 августа), когда в поселения были направлены воинские команды, порядок был постепенно восстановлен.

В Новгородскую губернию был послан А.Ф. Орлов, а за ним 25 июля отправился в Новгород и сам император. В дневниковой записи от 26 июля А.С. Пушкин записал:

Вчера государь император отправился в военные поселения (в Новгородской губернии) для усмирения возникших там беспоконийств. Несколько офицеров и лекарей убито бунтовщиками. Их депутаты пришли в Ижору с повинной

головой и с распискою одного из офицеров, которого пред смертью принудили бунтовщики письменно показать, будто бы он и лекаря отравляли людей. Государь говорил с депутатами мятежников, послал их назад, приказал во всем слушаться графа Орлова, посланного в поселения при первом известии о бунте, и обещал сам к ним приехать...⁸⁰.

В Новгороде Николай I произвел смотр войскам новгородского гарнизона и посетил округа гренадерских полков 1-й дивизии. А.Ф. Орлов объехал округа военного поселения, читая Высочайший приказ. 26 июля (7 августа) в Старую Руссу вошли правительственные войска, которые на следующий день открыли огонь по толпе. Восстание было подавлено. Всего были убиты, умерли от ран и побоев более ста офицеров и врачей, многие были подвергнуты жестоким истязаниям. Были намерения убить находящегося в Грузии А.А. Аракчеева, но, переодетый в крестьянское платье, он несколько дней прятался в Хутынском монастыре. Николай Павлович успел вернуться из новгородских поселений к рождению третьего сына Николая 27 июля (8 августа), будущего Николая Николаевича Старшего.

Военно-судная комиссия под председательством Я.В. Захаржевского разделила виновных на пять разрядов. Изобличенные в убийствах были приговорены к наказанию кнутом (от 10 до 45 ударов) и ссылке на каторгу, остальные – к наказанию шпицрутенами (от 500 до 4000 ударов) и розгами (от 25 до 500 ударов). Наказывали без снисхождения, 7% после шпицрутенов скончались. Восстания не было только в округе 1-го карабинерного полка в Медведицкой волости. Начальник своевременно отправил поселян за болото на дальние сенокосы заготавливать сено для кавалерии, идущей в Польшу. Как бы там ни было, но Николай I освободил их от податей. Пройдет много лет, и по инициативе крестьян этой волости, в значительной части на их средства, в с. Медведь в 1862 г. будет воздвигнут памятник императору (скульпторы П.К. Клодт и А.Н. Беляев)⁸¹. Это был один из трех памятников императору (третий – в Киеве перед университетом, 1896 г.).

Осенью 1831 г. холера в России пошла на убыль. Наибольшая интенсивность распространения болезни в 1831 г. приходилась на Бессарабскую область, Таврическую губернию и Малороссию (Екатеринославскую и Полтавскую губернии). На первом месте в России по заболеваемости

⁸⁰ Александр Сергеевич Пушкин, „Дневник 1831 года” в *Собр. соч. в 10 т.*, т. 7 (Москва: Изд-во «Художественная литература», 1962), 307.

⁸¹ Леонид Владимирович Выскочков, „Памятник императору Николаю I в селе Медведь Новгородской губернии” в *Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы науч. конф. 13–15 ноября*, ч. 2 (Великий Новгород: Б.и., 2000), 8–13.

и смертности от холеры в 1831 г. оказалась Полтавская губерния (соответственно 48 826 и 14 555), куда на инспекцию в сентябре был послан А.А. Закревский⁸². Всего в России в 1831 г., по весьма неполным данным, заболели холерой 466 457 и умерли 197 069 человек. Велики были экономические потери. „В прошлом году, – писал А.С. Пушкин в 1831 г., – карантинны остановили всю промышленность, заградили путь обозам, привели в нищету”⁸³. Красноречивы цифры по потерям суконной промышленности. Если в 1829 году было продано суконных материй на 1 161 384 руб., то в 1830 году – на 637 921 руб., а в 1831 году – на 584 674 руб.

Николай I решил вновь посетить Москву. Он прибыл в первопрестольную поздно вечером 11 октября и пробыл в городе, совершая также поездки в соседние губернии, до утра 25 ноября. С ним были присоединившиеся к нему в разное время Александра Федоровна и цесаревич Александр Николаевич. К моменту отъезда императора была решена участь А.А. Закревского, скомпрометировавшегося своими жесткими мерами, которым он следовал по предписаниям Медицинского департамента. Константин Булгаков сообщал брату Александру в Москву 13 октября 1831 г.: „Ты, верно, никак не ожидаешь известия, которое сообщаю тебе сегодня о добром нашем Закревском. Давно он жалуется на здоровье, на головные ужасные боли. Наконец, решился он взять отдохновение и просить о совершенном увольнении его от службы, что и исполнил перед самым отъездом государя. Получил весьма милостивый отзыв”⁸⁴.

В середине октября слухи об увольнении А.А. Закревского появились и в Москве. 19 ноября издан рескрипт об увольнении его с поста министра внутренних дел и финляндского генерал-губернатора. При всей своей работоспособности он оказался не на своем месте, его деятельность по предотвращению распространения холеры была признана неудачной. Министром внутренних дел с 12 февраля 1832 г. был назначен Д.Н. Блудов, а финляндским генерал-губернатором по совместительству – начальник Главного морского штаба А.С. Меншиков. Но Николай I не забыл о Закревском и в мае холерного 1848 года (революционного года в Европе) назначил его военным генерал-губернатором Москвы. Опыт, приобретенный в 1830–1831 гг., был востребован как в 1848 году, так и во время следующих пандемий холеры.

⁸² Д.Д. Ахшарумов, „Холера в Малороссии в 1830–1831 гг. Очерк по подлинным документам”, *Русская старина* 47 № 8 (1885): 209–222.

⁸³ Александр Сергеевич Пушкин, „Дневник 1831 года”.

⁸⁴ „Из писем Константина Яковлевича Булгакова к брату его Александру Яковлевичу”, 578.

Leonid Vladimirovich Vyskochkov, Alla Aleksandrovna Shelayeva

The pandemic between 1830 and 1831 in the Russian Empire on the basis of memoirs and letters, press notices, executive ordinances, and other individual and official sources

In the XIXth century, there appeared a new disease, probably hitherto unknown to Europeans, infections cholera, called after the place in Asia where it was endemic. In the introductory part of this article, a brief history of the pandemic of this illness is sketched out, from the time of its appearance in 1816 to modern times. The areas it affected then are shown and the number of its victims. The second pandemic is dealt with in most detail; this was when it first affected a significant part of the Russian Empire. The article demonstrates the route by which cholera spread, beginning from Orenburg, where from the first months of 1829 to February 1830, 3,590 persons fell ill and 865 died. The state authorities tried to gather all information on the nature of the disease, its symptoms, course, and, above all, on prior protection and cure. The basic means of prevention were *cordons sanitaires*, isolation of homes, quarantining of the sick, and fumigating (disinfecting) rooms. The spread of the unknown disease that killed many was accompanied by fear and sometimes panic among the population. This was expressed in mass disturbances and cholera-related revolts. They took place in Sebastopol, Moscow, and Tambov. There the mob physically assaulted officials, doctors, and soldiers. The struggle against the cholera pandemic and society's reaction to it are shown via the prism both of decision makers and in the eyes of ordinary people, particularly of those directly affected by the disease. The article contains several interesting quotations from memoir writing; the Tsar's reaction and that of his family to the disease are shown, and also the effects of the unequal struggle.